

Л. А. Чарская

Джаваховское гнездо

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Л. А. Чарская

Джаваховское гнездо / Л. А. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 126 с.

ISBN 5-98891-051-3

Я хочу сказать еще что-то и не могу... Мои мысли кружатся, как огненные птицы, и душа моя горит, как в огне. Смутные образы встают передо мною. Я не в силах оставаться в этих залах, меня влечет на воздух, за стены Смольного монастыря. Лечу как на крыльях, несусь по длинным коридорам, оставив в недоумении моих подруг. Беру извозчика и умоляю его скорее ехать на Фонтанку. Что-то толкает меня, что-то гонит вперед... Желание писать стихи, как бывало в дни юности и отрочества? Вылить в дневнике свои мысли на бумагу? Нет, это что-то другое, чему еще нет названья, нет имени, что совсем еще ново и непонятно для меня...

ISBN 5-98891-051-3

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская

Джаваховское гнездо

ГЛАВА 1

Весь день бушевала Кура. Ревели волны, косматые, страшные, о чем-то грозно ликуя и плача, набегали они и разбивались о подножия гор.

Весь день бушевала река. Не успокоилась и к ночи.

На небе залучились звезды. Тихий вечерний ангел с темными очами затеплил высоко золотые огни лампад.

Черные развалины крепости на высоком утесе, расположенном в самом сердце Гори, оделись темной, не узнанной миром, мрачной тайной.

Подползала, сверкая алмазными блестками, черная, гордая кавказская ночь.

А Кура все бушевала.

* * *

Статный татарин Амед, перевозчик, пригнал еще с утра свой паром к берегу и решил здесь остаться, пока не утихнет буря.

Не пришлось ему сегодня получить ни одного абазы¹ на обед. В такую погоду кто же захочет проехаться по Кура на пароме?

— Алла верды! Алла верды!² — шепчет он, тихо шевеля губами и обращая к Востоку взор. — Если и завтра река не уймется — ложись и умирай с голоду, Амед, или затяни потуже свой пояс и ступай в горы промышлять барантой,³ если допустит пророк.

И он накидывает бурку на голову, пряча лицо от разгулявшейся стихии.

* * *

— Эй, кто тут! Необходимо перевезти на ту сторону господ! — доносится до Амеда сквозь шум волн и свист ветра громкий голос.

— Что они, с ума сошли там, на берегу?! В такую погоду невозможно двинуться с места на пароме.

— Ты это говоришь, Амед?

— Я говорю — переправляться на пароме в такую бурю нельзя. Обождать надо. Скажи это твоим господам, Николай! Мой слух не обманул меня? Это ты?

— Так. Селям алейкум,⁴ приятель!

— Алейкум селям! Кунаку приветствие и почет! Но переправляться нельзя. Надо обождать.

— Но нам нельзя ждать! Поймите же! Нам необходимо на ту сторону сейчас же. Сейчас!

Это уже не голос армянина Николая, старика-слуги из ближайшего духана,⁵ а молодой, звонкий и чистый, как серебро, девичий голосок.

* * *

Амед зоркими глазами впивается во тьму, чтобы разглядеть, кто это говорит.

Там, на берегу, три фигуры. Две женские и одна мужская. И еще что-то странно изогнувшееся, жуткое по своей неясности. Что-то огромное, широкое,

с крохотной головой, все в черном, как монах.

— Нам необходимо переехать сейчас! Во что бы то ни стало! — волнуется юный серебристый голос.

— Да! Да! Пожалуйста, перевезите нас! — говорит другой голос, как будто надорванный, слабый.

Амед колебался одну минуту.

Ах, эта Кура! В аду могут быть только такие реки. Когда он, Амед, был совсем еще мальчишкой, на его памяти снесло бурей мост на Куре. Завели паром после этого. Но и паром разве надежен?

— Не повезу! Не выдержит паром, — голос Амеда звучит угрюмо, почти свирепо.

Что, в самом деле?! Он создан не затем, чтобы умирать так рано, почти на заре жизни, одиноким, как тополь в горах.

Эта мысль едва-едва мелькает у него в голове и тут же гаснет.

Неожиданно маленькая ручка опускается ему на плечо.

— Послушайте! Пожалуйста, перевезите нас на тот берег. Возьмите с нас дорожку, но перевезите. Нам необходимо быть там к девяти часам. И мы не смеем опоздать! Ни за что!

Голос звенит и рвется...

Фонарь с берега мигает от ветра, но все же может различить Амед при его слабом свете кудрявую белокурую головку под резиновым плащом, капризный излом бровей, властный ротик и большие синие глаза:

— Нам надо на ту сторону! Непременно!

Уже не просьба, а приказание. Губы складываются горделиво, строго.

— За полтумана⁶ вы перевезете нас!

И уже повернувшись назад, другим тоном добавляет энергичная молоденькая особа:

— Не бойтесь, мама! Входите на паром! А ее вы, Николай, поставьте сюда. Я буду ее держать обеими руками. Сюда, так... Прекрасно.

Мимо изумленного Амеда пронесли и поставили, прислонив к доске парома, какой-то безобразный черный предмет, тот самый, что поразил его своим видом на берегу. Потом фигурка в плаще протянула руку своей спутнице.

— Не бойтесь же, не бойтесь, мама. Сходите без страха.

— Но, Даня, дитя мое, я боюсь не за себя.

— Пустяки! Не волнуйтесь, мама, ради Бога. Опасность вовсе не так велика. Перевозчик получит целых пять рублей. Можно, кажется, постараться за эту сумму, — капризным, не допускающим возражения голосом доканчивает молодая особа. Потом слегка кивает головой.

— Можете идти, Николай! На том берегу, я думаю, найдется возница для нее, — говорит она, указывая пальцем по направлению стоявшего на доске парома предмета.

В душе Амеда борются тревога и радость.

С одной стороны, бешеные волны реки могут сломать паром, как щепку. И тогда гибель им всем, всем! С другой стороны — полтумана едва ли когда-нибудь зарабатывал за две недели он, перевозчик Амед!

Колебаний быть не может.

Он перевезет их! Перевезет!

— Совсем не так страшно! Совсем! — говорит дама в плаще. — Мама, мама! Да неужели же вы боитесь?

Пожилая дама не отрывается ни на минуту от kloкочущих волн. Они заливают паром, до колен захлестывают ноги. О, какой холод! Какая ледяная вода!

Она вся мокра до нитки. Лихорадка. И это сердцебиение, это сердцебиение! Как оно ужасно! Но она старается забыть о себе и думает только о своей юной спутнице — о Дане.

Даня — ее Даня. Хрупкое, как стебель тепличного цветка, существо. Ей ли выносить такие ужасы — ей, Дане?! Завтра будет простуда, может быть, горячка. Но иначе поступить они не могли. Их там ждут. Если они не поспеют вовремя, придется заплатить огромную неустойку, а у них нет лишних денег. Даня права. Переправиться необходимо.

Амед точно так же чувствует это. Его тело напряглось, вытянулось, как стрела. Мускулы сделались стальными, напрягая все свои силы, он тянет за канат.

А вода захлестывает паром, беснуется, заливая их до колен.

Фигурка в плаще прижала к груди черный таинственный предмет и держит его обеими руками, обняв крепко-крепко.

Резиновый капюшон сполз с ее головки, волосы растрепались. Глаза сосредоточенно смотрят вперед.

В голове мысли: «Надо успеть на ту сторону до закрытия лавок. Купить новую обувь маме и себе. А потом сейчас же отправиться туда. Только бы не опоздать, только бы не опоздать».

А Кура ревет, и клубятся ее холодные волны.

Вдруг невольно отвлекается фигурка в плаще.

— Что-то плывет там, вдали, прямо на нас! Вы не видите, Амед?

Татарин впиается глазами в темноту. Огромный остов, не то плот, не то плоскодонная лодка, мчится на них, мчится прямо на паром.

— Алла верды! Да это плот! Огромный плот из стволов деревьев, какой спускают дальние жители вниз по Куре для продажи дров на базаре в Гори!

Очевидно, плот снесло по реке. Ни одной человеческой фигуры не видно на нем. Черный, тяжелый, он несется по волнам.

— Клянусь бородой пророка! — говорит Амед. — Если он сшибется с нашим паромом, мы не выдержим, разобьемся!

— Так скорее же! Ради Бога, скорее вперед!

— Что можно сделать против воли Аллаха?! — отвечает угрюмо Амед.

— О!

Крик отчаяния вырывается у обеих женщин.

Амед усиленно перебирает канат руками.

Если паром успеет отплыть с середины реки, плот не заденет его. И тогда — спасение!

— Даня! Даня! Бедная ты моя Даня!

Пожилая женщина обвила руками свою юную спутницу. Слезы катятся у нее из глаз.

— Если суждено — умрем вместе! Господи, спаси нас! — шепчет она и незаметно крестит холодной, как лед, рукой белокурую головку.

А роковой плот все ближе, ближе.

Амед, с округлившимися от ужаса глазами, работает что есть мочи.

Но паром подвигается медленно, в то время как плот несется, подгоняемый стихией.

Синие глаза молодой девушки в плаще пронизывают тьму. Одна рука ее обвила плечи матери, другая странный предмет, теснее прижав его к груди.

— Боже мой, неужели нам суждено здесь погибнуть? — шепчет девушка.

— Амед, ты?

— Я!

— Брось паром. Прыгайте в лодку!

— Спасены!

Большая, ныряющая в волнах лодка, вернее, катер, подплывает к парому.

В ней несколько человек, лица которых трудно различить.

— Спасены!

Два женских голоса слились в один.

— Слава Тебе, милостивый Господи!

— Безумие плыть в такую бурю! — говорит сильный молодой голос. — Все, кто на пароме, торопитесь прыгать сюда.

— Никак сама княжна с вами? — изумляется Амед.

— Не время рассуждать! Помоги твоей попутчице сойти к нам и сходи сам.

Фигура поднялась с кормы лодки и, с трудом удерживая равновесие, протянула руки вперед. Пожилая женщина, с помощью Амеда, сошла с парома в лодку первая. За ней синеглазая девушка в плаще, не выпуская из рук странный черный предмет. Последним прыгнул Амед.

Лодка заметалась по беснующейся Куре.

— Держи прямо на перевоз, Аршак!

— Слушаю, княжна!

Оглушительный треск, точно водяной царь разбил в гневе свою грозную па-лицу о подводные камни Куры.

Это плот налетел на паром, разбил его вдребзги.

— Какое счастье, что мы успели!

Сердце пожилой женщины сжалось.

Не подоспей этот спасительный катер, она и ее Даня пошли бы на дно.

Болью зажглось сердце пожилой женщины. Что-то давит грудь, что-то душит...

Она хватается за бок, валится на корму...

— Маме худо! У нее сердечный припадок! — кричит Даня.

— Мама, мама! Голубушка! Не волнуйся! Опасности больше нет никакой.

Бледное, трепетное лицо склоняется над больной.

— Что делать? Что делать? — ломая руки, лепечет взволнованный голос.

И снова звучит гортанный, полный повелительных, не женственных ноток, властный приказ:

— Держи правее, Аршак! Амед, садись на весла за меня! Я помогу больной.

Сандро, ты совсем выбился из сил, мой мальчик. И ты, Селим, тоже.

— Святая Нина, покровительница Грузии, помогает нам, «друг»!

— Я чувствую, у меня появились силы!

— Тогда соберите силы, друзья, и гребите вовсю. Берег в двух саженях

только.

Стоп!

Катер ударяется с такой стремительностью, что находящийся в лодке рулевой падает на колени.

— Хвала светлым духам. Мы доехали, джаным-княжна!⁷

— Берег! Берег!

Кто-то легкий и гибкий прыгает на уступ береговой скалы.

— Давайте руки. К переезду нельзя. Кура затопила самый переезд! Выходи первая, княжна.

— Нет, нет! Вынесем сперва больную! Зацепляй багром, Амед. Зацепляй багром...

Шум реки покрывает крики, она стонет и бесится в гневе об упущенных жертвах.

С трудом цепь лодки обвивает столетний ствол береговой чинары.

На скале копошатся люди, зажигая фонарь.

Лодку подкидывает и бьет о прибрежные камни.

— Бога ради, осторожнее! Больная в обмороке. Сандро, Селим и ты, мой добрый старина Михако, поручаю ее вам, друзья.

Гортанный, характерный кавказский говор и до странности чистая русская речь.

Одинокий фонарь перевоза, чудом не затушенный бурей, слабо мерцает. Другой на скале.

Бережно выносят больную на берег. Даня, глотая слезы, идет подле матери, согревая ее похолодевшую руку в своих руках.

У перевоза ждет коляска.

— Я приказала выехать на всякий случай, — отрывисто говорит тот же гортанный голос, обращаясь к Дане. — Положите туда больную.

И, повысив его до крика, бросает в темноту:

— Валентин! Ты здесь?

— Здесь, «друг», и со мною Павле!

— Подъезжайте ближе, сюда!

Из-за купы густо сросшихся чинар медленно выкатывается просторная коляска. За нею крошечный кабриолет.

Фонари, очевидно, потухли из-за ветра. Но нашелся потайной фонарик.

При свете этого фонаря больную осторожно укладывают на сиденье коляски. Незнакомка, бережно обняв ее, помещается подле.

— Садитесь! — говорит она Дане, стоящей у подножки экипажа.

— Но я не могу ехать с вами. Мне необходимо сейчас же туда, на концерт, — говорит она рвущимся от волнения голосом и, передохнув, продолжает: — у мамы обычный сердечный припадок. Это не в первый раз. Это пройдет. Ради Бога, не можете ли вы взять ее к себе на время, пока я не выполню своей обязанности. Потом я заеду за ней. Мы приедем и остановились в духане на той стороне. Но туда немисливо попасть теперь. Ночью я перевезу ее в гостиницу. Но пока вы оставите ее у себя, не правда ли?

Ручной фонарик мелькает на мгновение перед бледным личиком и синими глазами.

— Боже мой! Да вы совсем ребенок! — восклицает гортанный голос, — как

же отпустить вас одну так поздно?

Минута молчания, потом гортанный голос раздается опять:

— Будьте покойны, дитя. Я позабочусь о вашей матери. Поезжайте, если вам надо. Аршак проводит вас в кабриолете и привезет обратно ко мне, то есть к вашей матери. Я позабочусь о ней.

— Спасибо! Спасибо! Я не знаю, как благодарить вас! Я даже не могу различить в темноте вашего лица. А между тем вы спасли жизнь маме и мне! Кто вы? Дайте мне хоть взглянуть на вас! Как ваше имя?

— Я — друг! — звучит ласковый ответ. — Вы увидите меня скоро. Кончайте ваши дела. Аршак доставит вас ко мне. Жаль только, что вы так спешите. Вам бы надо переодеться, переменить обувь.

— Нет, нет! Я выдохну по дороге. Я и так опоздала. Только не оставьте маму. Ради Бога, позаботьтесь о ней!

— Будьте покойны, дитя.

— Благодарю.

Даня крепко сжимает протянутую руку, потом быстро вскакивает на подножку, целует похолодевшее лицо матери и садится в кабриолет подле Аршака, осторожно уложив на переднем сиденье захваченный с собою молчаливый странный предмет.

— Можно ехать. Только поскорее! Прошу вас, поскорее.

— Да, да! Княжна-джаным приказала, значит можно! — отвечает Аршак и трогает вожжами лошадь.

— С Богом! Возвращайтесь скорее! Будем вас ждать! — раздается вдогонку гортанный голос.

Какой милый этот еще так мало знакомый, но уже бесконечно близкий голос неизвестной спасительницы.

— Кто она — ваша княжна? — обращается Даня к своему соседу, когда они отъехали немного от коляски и людей.

— Как?! Ты не знаешь, госпожа?! — восклицает тот с удивлением.

— Святая Нина, просветительница Грузии! Неужели вы не слышали ничего о «друге» и «княжне»? — прибавляет он.

Даня, нетерпеливая от природы, начинает волноваться:

— Скажите же, кто она! Кто спас меня и мою мать от смерти?

— Кто? — голос ее соседа вздрагивает от затаенной гордости, когда он говорит: — Кто она? Она солнце и счастье Джаваховского гнезда! Она роза Гори и орлица Дагестанских гор! Она улыбка ангела и благоуханная азалия долины! Она — названная княжна Джаваха, Нина Бек-Израил.

* * *

Девять часов вечера. Концерт, устроенный в зале учительской семинарии в Гори, в самом разгаре.

Уже проиграл на скрипке чахоточный артист из Тифлиса, и вся розовая от смущения исполнительница цыганских песен успела пропеть несколько веселых вещиц и столько же грустных, а высокий, бритый, плотный человек уже передал «на бис» комичный рассказец о поросенке. Наступало время исполнения одного из самых интересных номеров концерта: юная, очень талантливая артистка из Петербурга должна была выступить на эстраде собрания и исполнить

несколько «номеров» на арфе.

В афишах не было указано, какие пьесы она исполнит, потому что молодая артистка была импровизаторшей на арфе: она сама сочиняла все те пьесы, которые исполняла в концертах и сочиняла их тут же, во время игры, «импровизировала» их. Это еще более усилило интерес к артистке, не учившейся, как говорили, ни в одной школе, и между тем успевшей приобрести уже громкую известность. Арфистка была в полном смысле талант-самородок, взлелеянный на свободе.

Послушать юную петербургскую гостью собралась самая разнообразная, самая пестрая публика, какая только бывает в Гори. Тут были и армяне, и грузины, и русские; были горцы в своих живописных костюмах, были мужчины и женщины, старики и юноши, пожилые дамы и молоденькие барышни, словом, настоящая толпа закавказского гнездышка, притом шумная, нетерпеливая.

— Где же эта артистка? Разве ее нет в зале? — спрашивали слушатели друг друга.

Грузинский, армянский и русский говор слился воедино.

— Что же, однако! Неужели еще не явилась? Но артистки не было. Она, очевидно, опоздала.

— Возможно, что и совсем не придет, — говорит какой-то полный армянин.

— Да и немудрено, — замечает другой. — В такую погоду переправляться через Куру рискованно.

— Не только рискованно, а просто опасно! — вскрикивает первый.

— Очень жаль, если концерт окончится без нее. Только ради нее я билет взял, — говорит кто-то, вмешиваясь в разговор.

— Я потребую деньги обратно, если она не выступит, — сердито произносит высокий черкес.

Вдруг в зале появляется какой-то господин, похожий на артиста, и заявляет:

— Приехала, сейчас только приехала! Говорят, Кура сорвала паром, не было переправы. Остановилась в духане за рекою. Что мудреного, что опоздала! Бедняжка!

Встревоженный, взволнованный, чуть живой от хлопот распорядитель проносится по зале, вылетает на эстраду, бледный, с горящими глазами, с типичными глазами грузина, и анонсирует во весь голос:

— Администрация концерта просит извинения у снисходительной публики. Госпожа Надежда Ларина опоздала не по своей вине. На Куру буря, смыла переправу. Артистка была на волос от смерти. Сейчас обсушится и выйдет играть.

Гром аплодисментов покрыл речь распорядителя.

* * *

С горящими глазами, с бледным, взволнованным лицом, в скромном черном платье, едва успевшем высохнуть у камина в вестибюле, с завитыми самой природой белокурыми кудрями, тоненькая, гибкая в свои пятнадцать лет Дания Ларина выходит на эстраду.

Под аплодисменты садится она на стул, обнимает арфу, кладет тонкие белые пальчики на ее холодные певучие струны. Минуты три настраивает их, уверенно, спокойно.

О, ей не привыкать! Ведь она давно странствующая арфистка. Это ее чуть ли